

Любовь и желание в латинских интерпретациях текстов Яна ван Рюйсбрука

В докладе я рассматриваю понятие «*begheeren*» в текстах Рюйсбрука. Главным образом я рассматриваю его тексты «Духовный брак» и «Зеркало спасения» и их переводы на латинский язык, выполненные Вильямом Йордансом, Герардом Гроте и Лаврентием Сурием.

Ян ван Рюйсбрук (1293-1381) был фламандским мистиком, писавшем на средне-голландском языке. В связи со спецификой жанра и языка, говорить о наличии у него сформированного учения в привычном смысле нельзя. Эти тексты объединены общей идеей – стремление человека к единству с Богом. Центральным понятием стремления является «*begheeren*».

В общем смысле *begheeren* означает «желать». Это понятие содержит несколько важных коннотаций. Первое, под *begheeren* может пониматься как стремление к Богу (цистерцианское *Desiderium Dei*), так и стремление к мирским удовольствиям. Во-вторых, отличительная черта *begheeren* - это неразрывная связь со страданиями. Что также является общим местом с понятием *desiderium* у Вильгельма Сент-Тьерри OCist: страдание заключается в невозможности утолить желание. По этой причине частой метафорой блаженства (*weldicheit*) является насыщение. Третье, *begheeren* в широком смысле также включает в себя все значение понятия «любить» (*minnen*), что в латинском языке передается как *amor, caritas, delictio*. По этой причине мистические тексты имеют общие смысловые и лексические места с жанром «миннезанг». Ярким примером такого сходства является поэзия Хадевих (XIII в.), особенно «Строфические поэмы» (*Strophische Gedichten*).

В собственном смысле “*begheerte*” может быть переведено как *desiderium, appetitus (appetentia)* и *concupiscentia* в значении «желание» и *amor, caritas, delictio* в значении «любовь». В латинском языке эти термины содержат разные коннотации, поэтому выбор переводчика зависит от контекста и в значительной степени от его духовной традиции. Поэтому латинские тексты Рюйсбрука представляют собой важный источник о корпусе латинских текстов, которые повлияли на переводчиков, и их философско-теологические взгляды. Переводчиками были Вильям Йорданс из Грюнендаля (община Рюйсбрука), Герард Гроте и Лаврентий Сурий OCart.

Общим местом является перевод *begheert* посредством указанных терминов. Также важен перевод смежных понятий, прежде всего *ghelost* и *weldicheit* (в общем смысле – «блаженство»). Йорданс и Гроте в «Духовном браке» переводят их как *voluptas*, что наделяет *voluptas* (также означающее желание) определенно положительными характеристиками. Положительные коннотации *voluptas* не являются общим местом для лексикона XIII-XVI в., скорее, наоборот, можно выделить некоторые традиции в которых негативный смысл *voluptas* не единственный. К ним относятся картузианцы и цистерцианцы. Использование *voluptas* только в положительном смысле не является общим местом и для Нового благочестия: в более позднем «О подражании Христу» Фомы Кемпийского *voluptas* употребляется исключительно негативно.

Ghelost и *weldicheit* Сурий переводит понятием «*appetentia*» (кроме *voluptas*), не разграничивая, таким образом, процесс (желание) и цель (блаженство). В отличие от остальных, Сурий переводит как *volupas* не только *weldicheit*, но и *begheren* и, таким образом, он объединяет природу желания (оно может быть и негативным) и блаженства. В этом случае прослеживается влияние Дионисия Картузианца из проповеди на 2-е послание Петра, где он выделяет *voluptas bona* и *voluptas prava*. Отсутствие такого случая в переводах Гроте является одним из свидетельств ограниченного влияния картузианцев и цистерцианцев.

С другой стороны, первое значение дериватов от «*losten*» (возм. «*lusten*») связано с похотью или страстным желанием, что соответствует, скорее, общему смыслу *voluptas*. Ярким примером свободного назначения смыслов представляется фраза из «Зеркала»: *hi gheeft ons gheesteliken hongher ende dorst sijns te ghesmaken met ewigher lost* – «он [Христос] дает нам духовный голод и жажду, чтобы вкушать [Его] с вечным желанием». Другой возможный вариант – «...с бесконечным наслаждением» (что больше соответствует Хадевих). Подобная языковая игра не находит отражения в переводе Сурия: *afficitque nos spirituali fame ac siti sese perenni cum appetentia gustandi*. С другой стороны, Сурий позволяет таким способом передать концепт страдальческого характера желания.

Таким образом, анализ случаев перевода *begheert*, *weldicheit* и *ghelost* демонстрирует значительные различия лексикона Йорданса, Гроте и Сурия. Во-первых, полисемантический характер этих понятий позволят вкладывать в них различные коннотации. Поэтому по переводу можно определить некоторые источники и традиции, которые оказали на них большое влияние. Во-вторых, частный случай перевода *begheert*, *weldicheit* и *ghelost* как *voluptas* и *appetentia* характерно только для Сурия, таким образом, он объединяет цель и результат. Этот случай позволяет изучать тексты Сурия не только как пример выдающегося перевода (в отличие от Гроте и Йорданса Сурий стремился

переводить тексты дословно настолько, насколько это возможно), но также рассмотреть некоторые особенности картузианского учения.